

СИРИН: ДВАДЦАТЬ ДВА ПЛЮС ОДИН

Рекордная и по-своему виртуозная разборка псевдонима В.Набокова, которую проделал недавно Б.Останин^{*)}, наверняка вызовет восторг среди любителей лингвистических игр, но меня, признаться, она навела на весьма мрачные мысли. Попробую поделиться ими, с тем чтобы предостеречь читателей (тех, которых еще можно предостеречь) от модной ныне склонности к безудержному умножению сущностей — в литературном толковании, политической деятельности, художественном творчестве, способе мышления.

До недавних пор считалось, что истолкование (как и мышление вообще) есть линейно-сочлененный процесс, который разворачивается посредством логических правил, причем в его сочленениях постоянно происходит своеобразная "прополка": используя ценностную шкалу предпочтений, из возникающего здесь куста вариантов оставляют лишь один. Таким образом мышление обеспечивает себе продвижение в определенном направлении, то есть сохраняет одновременно цель и движение, осмысленность и динамику, что вполне соответствует историко-эсхатологической установке иудео-христианской культуры, которая, словно переброшенный через пропасть канат, удерживается двумя опорными "моментами" (заключение Завета и обретение Земли Обетованной в иудаизме, Боговоплощение и Второе Пришествие в христианстве), этими гарантами осмысленности и историчности.

Ныне с прискорбием приходится наблюдать, как иудео-христианская культура, хоть и не вполне распавшаяся, претерпевает сильнейшую эрозию; вспомним хотя бы нео-языческие циклические построения (Данилевский, Шпенглер, Набоков), обесмысленное действие и бесцельное ожидание ("Миф о Сизифе", "В ожидании Годо"), лабиринт-

*) Б.Останин, О трех родах поэзии. "ЧАСЫ" № 74, 1988.

ное блуждание (Борхес, постмодернизм), пропаганду дальневосточной философии и практики (Малявин), развал идущего от Платона "логоцентрического" типа философствования (Ницше, Деррида)...

Трудно, пребывая в н у т р и современности, предсказать последствия указанной эрозии, как невозможно до конца понять, происходят упомянутые выше локальные бунты в п р е д е л а х иудео-христианской культуры или являют собой грандиозную попытку подменить ее собой, обходясь при этом без традиционной фигуры Священного Учителя (как зачинателя новой культуры) и восполняя ее массивными массовыми усилиями, которые, в о з м о ж н о, породят равноценную Учителю сакральную фигуру, но не в начале нового культурного цикла, а как его завершение и увенчание.

Не вдаваясь в культурологические подробности, тем более предположительные, вернусь к статье и предостережению. Если, как демонстрирует Б.Останин, о д н о - е д и н с т в е н н о е слово способно вызвать к жизни свыше двух десятков толкований, то что тогда говорить о пространном тексте в две, а то и три страницы, анализируя который предложенным способом, нам никак не избежать лавинообразного умножения толкований. Ветвящееся мышление, отказавшись от аксиологии и аскетизирующей прополки вариантов, очень быстро покидает пределы ч е л о в е ч е с к о й способности к схватыванию, распознаванию и запоминанию и выбрасывается в отчужденные от человека области электронного интеллекта, которым можно разве что восхищаться, но никак не соучаствовать на-равных. Добавлю сюда и такую особенность ветвящейся мысли, как ее неспособность руководить практическим д е й с т в и е м и проводить ответственную политику: не в силах преодолеть границы чистого теоретизирования, она усугубляет отчуждение человека от себя как целостного создания.

Сторонники "ежеобразного" мышления, пренебрегая ценностной иерархией и довольствуясь, на манер Плюшкина, избытком вариантов как таковым, вручают нам камни вместо хлеба и обрекают блуждать в лабиринте зыбких возможностей, где рано или поздно нас одолеет Минотавр тоски и отчаяния.

Такое мышление угрожает полной отменой целенаправленного движения: когда вариантов слишком много и они воспринимаются как ценностно равноправные, человеку ничего не остается, как довериться случайности или вообще отказаться от в с е х вариантов. В этом случае его ожидает расслабление, а то и паралич мышления и деятельности, духовный столбняк, утрата способ-

ности к обороне личности и, как следствие, капитуляция перед энергичным монолитно-параноидальным диктатором, чья власть — после хаотизирующего и обессиливающего плюрализма — будет воспринята разве что с облегчением.

Вероятно, истина где-то посередине или чуть выше середины: не кристаллический монолит параноидального сознания и не рассыпающийся в пыль шизоидный плюрализм, а живой организм мышления, ориентирующийся на человека и берущий за числовой образец не Единицу, не Бесконечность, а Троицу.

Соблазны "метода ветвления" несомненны, и я готов проиллюстрировать их на собственном примере: протестуя против метода в целом, я поддался ему в частности и "на путях соблазна" обнаружил еще один, двадцать третий по счету вариант прочтения псевдонима Сирин. Впрочем, в отличие от Б.Останина, я настаиваю на своем варианте — пусть не единственном, но главнейшем среди 2-3 более-менее релевантных прочтений.

Как сообщает Э.Фильд, в начале 20-х годов, как раз в то время, когда у В.Набокова возникла нужда в псевдониме^{ж)}, он был влюблен в Светлану Зиверть (фамилию привожу в обратном переводе), на которой даже собирался жениться. Помолвка состоялась в 1922 году (кажется на следующий день после убийства В.Набокова-старшего), но через год была расторгнута^{жж)}. Известно, сколь вдохновенным гимнографом оптики (и света как предусловия оптики) был В.Набоков; известно и то, что он называл свою возлюбленную Светик (уменьшительное от 'свет'). При его "гоголевской" страсти к обыгрыванию имен, он просто не мог не сочинить себе псевдонимный дубль к ее светоносному имени. Таковым, между прочим, является английское слово *serene* (произносится: сирин, с ударением на последнем слоге) — 'ясный',

ж) Псевдоним служил для различения Набокова-сына и Набокова-отца: знаменательный образец "эдипова" соперничества за собственное имя. Несомненный антипод В.Набокова — А.Платонов, который в духе федоровского "сыновьего послушания" взял себе псевдоним по имени отца.

жж) Совпадение инициалов Светланы Зиверть и Сони Зензиновой ("Подвиг") вряд ли случайно. Не исключено, что страстный любитель скрэббла В.Набоков составил имя Зина ("Дар") и фамилию Зензинова из слогов на стыке имени и фамилии Светлана Зиверть. Напомню также о нередкой для набоковских героев неудаче или быстром развале любовного альянса.

‘безоблачный’, которое, и это особенно важно, входит в состав титула *His Serene Highness* ‘Его Светлость’, то есть соотносится не только с оптической и любовной, но и с дворянской (точнее “царской”) одержимостью В.Набокова.

Остается лишь догадываться об истинном происхождении Сирина, но в любом случае неправомерно наделять, как это делает Б.Останин, 22-летнего поэта изощренным лабиринтным сознанием, которое он обрел позже и которое как бы позволяло ему провидеть в псевдониме свою судьбу (так, В.Набоков стал сиротой после того, как придумал псевдоним). Гораздо естественнее для молодого поэта желание спрятать себя со своей возлюбленной (Светлана — Светлость), если не телесно, так словесно. Первое (как подтверждает расторжение помолвки) не всегда в его власти, зато над вторым он — царь и правит один. Этой царственной властью В.Набоков и воспользовался.